

Телефонъ редакціи № 19.

ЮЖНЫЙ КРАЙ

Телефонъ конторы и типографіи № 15.

ЕЖЕДНЕВНО 6 СТРАНИЦЪ.

Харьковъ. Суббота, 17-го (30-го) Іюля 1904 года.

ГОДЪ ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТЫЙ № 8154.

ОТКРОВЕННЫЕ РАЗГОВОРЫ.

„Чары забвенія“.

Это тѣ самыя „чары“, которыя такъ быстро и такъ властно окутываютъ насъ забвеніемъ къ памяти нашихъ великихъ людей и особенно къ памяти русскихъ писателей.

Теперь вотъ, подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ кончины нашего чуднаго Чехова вокругъ его имени создалась цѣлая литература, образовалось и среди читателей нѣчто вродѣ чеховскаго культа...

А пройдетъ нѣсколько лѣтъ и вы увидите, что въ газетахъ появятся замѣтки о томъ, что могила Чехова запущена и забыта, что его дача въ Ялтѣ получила какое нибудь такое назначеніе, которое нисколько не соотвѣтствуетъ памяти ея знаменитаго владѣльца....

Я вовсе не хочу быть дурнымъ пророкомъ и буду счастливъ, если мои предсказанія не оправдаются.

Но.... горькій опытъ, одинъ только горькій опытъ создаетъ и питаетъ такія предсказанія....

Вспомните, въ какомъ видѣ найдена была могила Гоголя вскорѣ послѣ чествованія 50 - лѣтней годовщины его смерти.

Вспомните, какая судьба постигла родовую усадьбу Некрасова....

Вспомните...

Да, впрочемъ, изъ такихъ „воспоминаній“, слишкомъ постыдныхъ и позорныхъ для русскаго самосознанія, можно кажется, составить цѣлую литературу...

Вотъ и теперь..

Среди массы отзывов и мнѣній о талантѣ покойнаго Чехова мнѣ попалось сравненіе чеховскаго таланта съ талантомъ Тургенева...

Конечно, это было лучшей похвалой безвременно угасшему художнику слова и въ такомъ сравненіи есть значительная доля правды, если мы припомнимъ во многихъ произведеніяхъ Чехова мягкость, изящество и какую-то почти женственную деликатность, которая приближала эти произведенія къ отличительнымъ чертамъ тургеневскаго творчества...

И это хорошо, что, проведя на вѣчный покой своего любимаго писателя, мы вспомнили о его великомъ предшественникѣ—Тургеневѣ...

Но... въ то самое время, когда одинъ изъ лучей тургеневской славы упалъ на гробъ Чехова, къ намъ донеслась вѣсточка о томъ, что дѣлается теперь на родинѣ Тургенева.

И какая это была грустная, какая печальная вѣсточка!..

Изъ села Спасскаго - Лутовинова, Мценскаго уѣзда, кто то писалъ на дняхъ въ „Русскія Вѣдомости“:

Еще такъ недавно мы торжественно вспомнили двадцатилѣтіе со дня смерти И. С. Тургенева, но это былъ минутный подъемъ, и снова чары забвенія окутали насъ.

Зарастаетъ тропа къ родинѣ его; ния Тургенева, какъ художника, создавшаго въ „Запискахъ охотника“ галерею типовъ, до сихъ поръ чуждо крестьянамъ; оно чуждо даже крестьянамъ родного села. Только старшее крестьянское поколѣніе сохраняетъ о немъ память, какъ о добромъ баринѣ. У вѣзда въ село стоитъ часовня, сооруженная на скудные гроши крестьянъ. „Очень ужъ сокрушался Иванъ Сергѣевичъ, что мужики пропиваютъ добро: вотъ мы и порѣшили выстроить часовню, а кабакъ перенесли за село“,—разсказывали крестьяне. Тургеневъ всегда близко принималъ къ сердцу интересы своего села: онъ завелъ школу (теперь „барина школа“ преобразована въ церковно-приходскую школу); у себя въ усадьбѣ онъ устроилъ богадѣльню для престарѣлыхъ крестьянъ. Но со смертью Тургенева все это рушилось; на всей усадьбѣ лежитъ печать запустѣнія. Прудъ затянутъ тиной и травой, аллеи заросли; еще виднѣется старая пихта, раздваивающаяся наверху („Два брата“), вся изрѣзанная инициалами и даже стихами неизвѣстныхъ почитателей Тургенева. Какъ бы забытые, ютятся у дороги на хуторъ два дома. Въ одномъ изъ нихъ, каменномъ, Тургеневъ родился и провелъ дѣтство. Впослѣдствіи, наѣзжая въ Спасское. Тургеневъ поселился въ деревянномъ флигелѣ. Зданіе уже покосилось, оно заколочено, и оголенные стѣны угрюмо смотрятъ изъ оконъ на посѣтителя. Пошелъ дождь; подъ крышу террасы забились косари, и разговоръ невольно завязался о Тургеневѣ. Нѣкоторые еще помнятъ его и сердечно отзываются объ его мягкости и добрѣ. „Хорошій былъ человекъ, такихъ теперь нѣтъ,—слышалось отовсюду,—это не то, что Н.“; мои собесѣдники называли одного помѣщика, который выдѣлилъ крестьянамъ по десятинѣ, и они побираются по міру. Такъ, въ народѣ еще живъ образъ Тургенева; и нужно сохранить для потомства этотъ уголокъ, иначе скоро отъ усадьбы Тургенева ничего не останется“.

Если вы истинно любите нашу родную литературу, — какая невыразимая грусть защемить ваше сердце при чтеніи этихъ строкъ, въ которыхъ такъ ярко рисуется наше—увы! слишкомъ обычное забвеніе къ памяти одного изъ величайшихъ русскихъ писателей...

И опять невольно въ памяти возникаетъ горькій, обидный вопросъ:

Возможны ли картины такого забвенія, такого запустѣнія гдѣ-нибудь за границей?

Конечно, невозможны...

Тамъ все, что касается памяти писателя, даже и меньшей, чѣмъ Тургеневъ, величины, свято оберегается и охраняется отъ вліянія времени...

Тамъ, навѣрное, и тургеневское родовое гнѣздо не постигла бы такая печальная судьба...

А у насъ... русскій писатель и при жизни то не всегда цѣнится, какъ слѣдуетъ, а ужъ какъ помереть...

Вспомните похороны писателя Пимена Коршунова.

„Чувство безконечной отчужденности и наготы овладѣвало всякимъ при взглядѣ на эту бѣдную обстановку. Думалось, что везуть какого-то отщепенца, до котораго никому изъ публики дѣла нѣтъ (а онъ именно для „публики“-то и жилъ и ради „публики“ безвременно зачахъ и сошелъ въ могилу). Да и своихъ не особенно поражала эта потеря, потому что „свои“ ужъ давно освоились съ могилами. Даже больше; чѣмъ просто „отщепенство“ тутъ видѣлось: казалось, что только по ошибочному неизреченному благоусердію допущена эта бѣдная церемонія, предметомъ которой служила совершенно особенная и при томъ не вполне безопасная человѣческая разновидность, именуемая русскими писателями“

Впрочемъ, эту „совершенно особенную и при томъ не вполне безопасную“ разновидность, именуемую русскими писателями, мы научились уже хоронить съ подобающими почестями, особенно, если эта „разновидность“ мало-мальски успѣла заслужить популярность...

Но дальше пышныхъ похоронъ или юбилейныхъ фейерверковъ дѣло у насъ рѣдко идетъ...

Ну, такъ какъ же, господа?

Неужели родовое гнѣздо Тургенева такъ и останется въ запустѣніи и забвеніи?

Неужели, если вѣрить корреспонденту „Русскихъ Вѣдомостей“, и въ самомъ дѣлѣ—„скоро отъ усадьбы Тургенева ничего не останется?!...“.

Неужели эта усадьба никогда не слѣдается общественной собственностью и не будетъ украшена какимъ-нибудь просвѣдательнымъ учрежденіемъ, достойнымъ памяти Тургенева?..

Да, впрочемъ стоитъ ли предлагать подобные вопросы и ждать на нихъ отвѣта, если... если на пріобрѣтеніе родовой усадьбы Некрасова въ общественную собственность, *за полтора года* со всего русскаго общества было собрано *301 руб. 85 коп.*

Гдѣ ужъ намъ?!

Василій Ивановъ.
